

Шимон Рудницкий
(Варшава, Польша)

Доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Варшавский университет

E-mail: s.rudnicki@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0003-0321-7451

Евреи Второй Речи Посполитой: 1918–1939

Аннотация: Ни в одной стране мира не было такого высокого процента евреев среди местного населения, как в Польше – около 10%. Основой еврейской жизни оставалась религиозная община. В конце XIX в. появились политические партии, а позже и экономические организации. Большая часть еврейского населения вела традиционный образ жизни. Еврейская община была городской и довольно замкнутой, контакты с нееврейским населением носили прежде всего экономический характер. Преобладающими (83%) занятиями еврейского населения были ремесло и торговля. От момента воссоздания независимого польского государства еврейское население было вынуждено бороться за свое равенство. Усилился антисемитизм, пропагандируемый националистическими партиями, а во второй половине 1930-х годов лозунги этих партий использовал и лагерь государственный – так называемая Санация¹, – который стремился к принятию закона об экономическом ограничении евреев и их массовой эмиграции.

Модернизация еврейского общества выразилась в возникновении в XIX в. еврейской и еврейско-польской интеллигенции. Создавались еврейские политические партии, которые отличались не только идеологически, но и своим отношением к польскому государству и еврейскому будущему.

Польские евреи создали свою собственную богатую культуру, с которой широкие круги могли знакомиться благодаря большому количеству газет на трех языках – идише, иврите и польском. Наряду с богатой литературой расцвело изобразительное искусство и кинематография. Очень большое внимание уделялось школьному образованию, организация которого была осложнена как проблемами языка и требованиями политических движений, так и конкуренцией с польскими школами.

Ключевые слова: евреи в межвоенной Польше, еврейские политические партии, антисемитизм, еврейская экономическая жизнь в Польше

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.06

Ни в одном европейском государстве не проживало такое количество евреев, как в Польше, и нигде они не составляли столь высокий процент населения. Говоря о численности, следует иметь в виду, что мы оперируем

оценками и что первую перепись населения не удалось провести на территории всей страны. Кроме того, были проблемы с переписью в восточных областях. Национальное самосознание евреев в его современном понимании начало зарождаться в XIX в. параллельно с национальным самосознанием польского и многих других народов. Об этом можно судить по результатам переписи 1921 г.

Перепись 1931 г. проходила в несравненно лучших условиях, чем первая. Кроме того, изменились задаваемые вопросы: в отличие от первой переписи, где задавался вопрос о национальной принадлежности, здесь присутствовали понятия языка и вероисповедания. Вопрос о вероисповедании предполагал не религиозность, а принадлежность к общине, которая на землях бывшего Царства Польского была обязательной. Исследователи обращают внимание на то, что в 1921 г. многие не различали национальность и гражданство, что затрудняет ответ на вопрос, для кого национальная принадлежность была существенным фактором. Согласно переписи 1921 г. в Польше жило 2,8 млн. исповедующих иудаизм, что составляло 10,4% населения страны. В течение десяти лет их число возросло до 3,11 млн., составляя 9,8% населения. Эта тенденция сохранялась до войны [Bronsztajn 1963, 20, 112]². Эти данные свидетельствуют также о том, что естественный прирост у евреев, вопреки существующему мнению, был ниже, чем у поляков. Этому способствовали как уменьшающийся естественный прирост, так и эмиграция. Только в 1921–1925 гг. страну покинуло 184 500 евреев [Marcus 1983, 173]. В последующие годы волна эмиграции снизилась из-за мирового экономического кризиса, достигнув самого низкого уровня перед началом Второй мировой войны.

Евреи неравномерно заселяли территорию страны: на северо-востоке они составляли 10,6% жителей, в бывшем Царстве Польском – 15,5%, на землях, входивших в Австро-Венгерскую монархию, – 9,7%, а в Пруссию – 1,7% [Schiper 1932, 187]. Видно это также на уровне воеводств. Если в люблинском и белостокском они составляли 12% жителей, то в великопольском – 0,3%, а это было одно из самых густонаселенных воеводств и с самым высоким уровнем экономического развития. Во время переписи почти 90% респондентов назвали своим родным языком идиш, а 10% – иврит, хотя это была в большей мере идеологическая декларация, чем отражение реальности [Tomaszewski 1985, 148].

Подавляющее большинство евреев придерживались традиционного образа жизни, обеспечиваемого такими институтами, как раввинат, бейт-мидраш, миква, хевра кадиша. Религия оставалась более существенным признаком еврейства, чем этническая принадлежность. Для ортодоксальных евреев не существовало современного понятия национальности, поэтому число исповедующих иудаизм превышало число тех, кто указывал еврейскую национальность. Поэтому и мы чаще пользуемся категорией верои-

² Михаэль Маркус пишет даже о почти 3,5 млн. [Marcus 1983, 175].

споведания, чем национальности, осознавая, что при этом не учитывается число неверующих.

Категории евреев-христиан в этот период вообще не существовало. И для верующих евреев, и для христиан они формально переставали быть евреями. Религия была тем фактором, который позволял евреям сохранить свою идентичность. В отличие от католиков, которым запрещалось самостоятельно читать Священное Писание, для всех еврейских мужчин чтение священных текстов было обязанностью. Для религиозного еврея изучение Торы составляло смысл жизни. Религиозные диспуты были повседневными и вели к расколам. Именно на польских землях в XVIII в. возникли два главных религиозных течения евреев Восточной Европы – хасидизм и противостоящие ему митнагдим [Wasserstein 2012, 114–120]³. В свою очередь хасиды делились на отдельные дворы, составляя по крайней мере половину еврейского населения Польши. Самым влиятельным был цадик из Гуры Кальварии (на идише – Гер).

В XIX в. евреи проходили сходные с поляками этапы модернизации. Трудно оценить масштаб влияния Гаскалы – она охватила прежде всего еврейскую элиту Пруссии и Галиции; на северо-восточных землях ее островком был Вильно, особое место занимала Варшава. Лишь в небольшой степени Гаскала распространилась в народных массах, которые оставались под влиянием традиционных течений. В их понимании евреем мог быть только верующий. Они защищали традиционный образ жизни не только от процессов модернизации, но и от давления правительства, стремившегося к их национальной и религиозной ассимиляции. В кругах еврейской ортодоксии поговаривали даже, что евреям не нужно политическое равноправие, так как оно может свернуть их с пути веры. Этот процесс ускорился в XX в.: чтение газет, участие в выборах не могли не влиять на ортодоксов, а в еще большей степени и темпе – на молодежь [Kijek 2017].

На противоположном полюсе оказались те немногие «реформированные» евреи, которые вступили на путь ассимиляции, утверждая, что еврейский вопрос в большей степени носит общественный и экономический, чем национальный характер. Те из них, кто не хотел порывать связи с религией, основали Союз поляков иудейского вероисповедания (Związek Polaków Wyznania Mojżeszowego). Стремление к самоизоляции было одной из основных причин изоляции от польского общества. Существенной преградой для процесса ассимиляции был антисемитизм, из-за чего этот относительно сильный процесс в XIX в. замирает⁴.

Евреи никоим образом не были неким монолитом: даже между жителями отдельных регионов существовали заметные различия. Поэтому историк Эзра Мендельсон утверждает, что следует говорить не о «едином

³ Прекрасно описана разница между хасидами и митнагдим в воспоминаниях Ехезкеля Котика [Котик 2009].

⁴ Г. Кшивец датирует начало кризиса ассимиляции началом 80-х гг. XIX в. [Krzywiec 2017, 10].

польском еврействе», а о трех – еврействе Галиции, Центральной Польши и Восточных земель. Большинство польских евреев он причисляет к восточноевропейскому типу, для которого характерны относительно невысокая ассимиляция и аккультурация, сохранение еврейского языка, ортодоксальной религии и особая экономическая структура [Mendelsohn 1992, 40]. С этим, однако, трудно полностью согласиться. Ведь нельзя сказать, что жители Баварии и Пруссии – разные немцы, хотя различий между ними больше, чем между упомянутыми группами евреев. Точно так же различия между евреями были не больше, а скорее меньше, чем между поляками из разных регионов. Например, языка жителей гор (górali) большинство поляков не поймет, не говоря уже о кашубах, которые вообще пользуются своим собственным языком. Различия у евреев были заметны в одежде, кухне, обычаях. Мендельсон обращает внимание на разный уровень аккультурации [Mendelsohn 1992, 27–29]. Кроме того, евреев разделяло отношение к религии: для ортодоксов само понятие нерелигиозности противоречило понятию еврейства; разделяла и политика, отношение к государству, и многое другое.

Традиционная структура еврейской общины не претерпела особых изменений. По данным Министерства внутренних дел, в 1935 г. на территории Польши находилось 818 общин [Krasowski 1988, 179]. Община объединяла всех евреев данной территории, исполняя не только религиозные, но и общественные обязанности. Если для ортодоксов она носила прежде всего религиозный характер, то сионисты понимали ее иначе. Как говорил в Сенате раввин Маркус Брауде, «мы, евреи, видим в нашей общине не только общину религиозную <...>, но основную форму национальной организации еврейского общества» [Braude 1924, 2]. Однако эту организацию регулировал изданный в 1919 г. декрет Пилсудского, ограничивающий полномочия общин исключительно религиозными функциями. В исследованиях историка Рафала Жебровского содержится следующий вывод: «...замыслом декрета было лишение общин их нерелигиозных функций, прекращение попыток создания национального самоуправления, а также передача в руки невысокого ранга чиновников центрального государственного аппарата решение еврейских дел» [Żebrowski 2012, 32–33]. Годы продолжали поступать жалобы на дискриминацию еврейских общин. Примером может служить ситуация с финансированием: если в бюджете 1926 г. христиане и мусульмане получили дотацию 1,5 злотых на человека, протестанты – 70 грошей, то евреи – 3 гроша [Frostig 1924, 32]. Из 23,5 млн. злотых, выделенных Министерством вероисповедания и образования для меньшинств, евреи получили 185 000 злотых, из которых 85 000 предназначались на оплату семинара по подготовке учителей религии [Hartglas 1927, 40].

Декрет об организации еврейских общин соответствовал требованиям ортодоксов. С самого начала в общинах происходила борьба за новые выборы руководства и создание национальной общины. Все нерелигиозные

партии требовали демократических выборов. 16 марта 1928 г. был издан Закон об организации еврейских религиозных общин. Его 3-й параграф гласил, что задачей общины является удовлетворение религиозных нужд ее членов, содержание раввинатов, синагог и домов молитвы, резервуаров для ритуальных омовений и кладбищ, забота о религиозном воспитании молодежи, обеспечение поставок кошерного мяса. Община имела также право оказывать помощь бедным евреям. Лишь после этого были организованы выборы в кагалы. Характерным явлением здесь стали злоупотребления, как и во всех других выборах, и вмешательство властей. В тех общинах, где побеждали сионисты, они не утверждали правлений, стремясь привести к власти членов партии *Агудат Исраэль* (Союз Израиля), чаще называемой *Агуда* [Wason 1966; Protest, „Chwila” 1928]. Неоднократно власти назначали наблюдателей-комиссаров, как это было в Варшаве. Несмотря на это, по мере устранения евреев из городских советов и парламента, значение общины росло. Председатель лодзинской общины Лейб Минцберг говорил, что «еврейская община должна была быть и является голосом всего еврейского народа. Однако еврейские религиозные общины – вопреки нашей воле – стали его единственным представителем, и кто знает, не станет ли ход событий – избави Бог – причиной того, что основная деятельность общины будет вынуждена еще увеличиться» [Shapiro 1990, 76].

Возможно, третьим элементом, который объединял евреев, помимо религии и национальности, был антисемитизм. Он вызывал общее беспокойство и был одним из серьезнейших факторов, определявших их отношение к государству и обществу. Бросается в глаза, что с его ростом пробуждалась связь с еврейством даже у тех, кто в течение долгих лет не чувствовал своей связи с еврейством. Для исследователей еврейской культуры особенно существенным является процесс изменения направлений антисемитизма. В течение XIX в. преобладал религиозный антисемитизм, в конце этого века евреев обвиняли в том, что они не ассимилируются. Когда же начался процесс ассимиляции, и еврейская интеллигенция стала принимать все большее участие в общественной жизни и культуре страны, антисемитская пропаганда обратилась в первую очередь против нее. У антисемитизма было много обликов, и в рамках данной статьи нет возможности представить все его формы и оттенки, можно лишь отметить, что не было греха, в котором не обвиняли бы евреев⁵.

В силу сложившихся исторических причин подавляющее большинство евреев жили в городах и занимались торговлей и ремеслом, что проанализировал Жак Аттали [Attali 2003]. Столь односторонняя структура еврейского общества становилась предметом обсуждения политиками и исследователями. Около 75% евреев жили в городах (в пяти городах проживала

⁵ Об антисемитизме в Польше существует богатая литература, например: [Cała 2012, Krzywiec 2017, Kijek 2017, Krzywiec 2016; Rudnicki 2018].

одна треть) и местечках (штетлах). Согласно переписи населения 1931 г., 43,3% евреев жили в городах, насчитывающих более 20 000 жителей, где они составляли 26,4% от общего числа населения, 29,8% – в менее крупных городах, где евреи составляли 28,8% жителей, и 23,1% – в деревнях и поселках, составляя 32% жителей [Polonsky 2014, 309]. Если в центральной Польше и Галиции каждый третий житель города был евреем, то на северо-востоке – каждый второй. Преобладающая часть активного еврейского населения черпала средства к существованию из торговли и ремесел. Согласно исследованиям Игнация Шипера, в 1921 г. в центральной Польше соответственно 66,8% и 29,6%. При этом Шипер не учитывал северо-восточных земель страны, где проживал существенный процент евреев и где они играли еще большую экономическую роль [Schiper 1937, 591]. Даже те евреи, которые жили в деревне, занимались прежде всего торговлей и ремеслом; непосредственно сельским хозяйством занималось 0,6% евреев, а садоводством, рыболовством и лесоводством – 4,3%. Крестьян среди них, за исключением Восточной Галиции, практически не было. Из-за перенаселения деревень все более возрастала миграция в города, где тоже была структурная безработица, что увеличивало межнациональные напряжения и стремление к устранению евреев со всех поприщ экономической деятельности.

Преимущественно евреи занимались мелкой торговлей. 75% еврейских торговцев работали, не нанимая персонала (среди христиан такие торговцы составляли 42,5%). В целом торговлей, ремеслами и – в ограниченном количестве – промышленностью зарабатывали на жизнь 83% евреев [Garncarska-Kadory 2001, 68]. Евреи работали преимущественно в легкой промышленности: в швейной – работали 40% всех еврейских рабочих [Garncarska-Kadory 2001, 52]. По оценкам Якова Лещинского, сделанным на основании анализа положения в Варшаве, в еврейских предприятиях, где было занято до десяти человек, евреи составляли 98% рабочих. Однако в более крупные предприятия, даже если их хозяева были евреями, неохотно нанимали своих единоверцев, поскольку те не работали по субботам. Аналогичная ситуация сложилась в остальных промышленных центрах Польши [Лещинский 2002, 203, 207]. Эзра Мендельсон определяет евреев как *lower middle class* и пролетариат, с небольшой, но влиятельной прослойкой интеллигенции и богатой буржуазии [Mendelsohn 1992, 51].

В вопросе о времени труда евреи не были равноправны с христианами. Согласно принятому в 1919 г. закону, было запрещено работать в воскресенье. Это ставило евреев перед дилеммой – нарушать законы религии и работать в субботу или не работать два дня. Кроме того, евреи не имели права работать во время католических праздников. На практике это означало, что еврейские магазины и мастерские должны были быть закрыты 134 дня в году, а христианские – только 62 дня. Нарушение этого закона нередко приводило к различным взысканиям со стороны полиции и судов.

От подоходного налога были освобождены крестьяне, то есть более 70% граждан, но его платили городские жители, а так как к ним относилось большинство евреев, это был удар прежде всего по ним. Тяжесть борьбы с гиперинфляцией Владислав Грабский⁶ в 1924 г. также переложил на плечи городского населения, результатом чего стало разорение многих мелких ремесленников и торговцев, что привело к массовой эмиграции в Палестину, получившей название «Алия Грабского». В данном случае обвинения Грабского в осознанной антиеврейской политике безосновательны, поскольку его реформы носили общий характер. Эмиль Зоммерштайн, один из лидеров сионизма и депутат сеймов в 1922–1939 гг. писал, что «крах является результатом общего экономического кризиса», перечисляя «факторы, которые усилили нищету еврейского населения в этом общем хаосе» [Sommerstein 1925].

В Польше был популярен миф о еврейском богатстве. Однако, как показал Збигнев Ландау, среди 200 самых богатых людей Польши было только три еврея [Landau 1977, 207–209]. Среди 500 наиболее крупных помещиков было 13 евреев [Roszkowski 1986, 55]. Конечно, существовала и тонкая прослойка зажиточной интеллигенции и богатой буржуазии. Однако подавляющее большинство евреев с трудом могли заработать на содержание часто многочисленной семьи⁷. И число бедных евреев росло, а не уменьшалось, неслучайно говорили о пресловутой еврейской нищете. Даже идеолог польского антисемитизма Роман Дмовский писал, что «быстро растущее обнищание всегда, впрочем, бедного местечкового (małomiasteczkowego) еврея в Польше является неопровержимым фактом» [Dmowski 1931, 332]. Кризис 1930-х годов еще более усугубил положение. Арон Левин⁸, выступая в сейме, представил данные, из которых следует, что одна треть еврейского населения пользуется общественной благотворительностью: в Варшаве это 22,5%, в Лодзи – 32%, в Вильно – 23%, а в небольших городах положение еще хуже [Lewin 6 XI 1934, 112]. Как пишет историк, до войны идейно связанный с Санацией, в 1936 г. по крайней мере миллиону евреев грозил «полный крах и без того шатких основ их жалкого существования» [Pobóg-Malinowski 1985, 812].

Процесс вытеснения еврейской торговли продолжался двадцать межвоенных лет. Однако в период кризиса число еврейских торговцев не изменилось. Я. Лещинский исследовал 91 местечко с 500 000 жителей, в том числе 200 000 евреев. Там было в 1932 г. 8 916 еврейских магазинов, а в 1937 г. –

⁶ В описываемый период – премьер-министр Польши и министр казначейства. – *Прим. ред.*

⁷ Поляк работал на содержание 0,75 неработающего, а еврей – 1,94, то есть в 2,5 раза больше [Pobóg-Malinowski 1985, 808].

⁸ Арон Левин (1879–1941) – польский раввин, председатель Совета раввинов Польши, с 1923 г. Президент Центрального совета международной организации Агудат Исраэль, депутат сеймов в 1922–1928 гг. и 1930–1935 гг. – *Прим. ред.*

8 868. Дело было в том, что росло число польских магазинов – с 1 287 до 2 658. Сходные результаты получил Менахем Линднер: число еврейских магазинов было стабильным, а число польских торговцев увеличилось более чем вдвое [Лещинский 1937, 1014; Линднер 1937, 33].

Евреи подвергались дискриминации, как в сфере экономики, так и в других областях. Их не принимали на работу в государственные учреждения и предприятия. Среди 26 457 работников почты было только 457 евреев (1,7%). Сразу после создания независимого государства с работы было уволено несколько тысяч железнодорожников-евреев. В следующие годы среди 175 459 железнодорожников евреев было 1 479 (0,8%) человек; среди 3 682 чиновников центральной администрации было 40 евреев (1,1%). В местной администрации (включая полицию) среди 42 569 чиновников было 830 евреев (1,9%). Евреев не принимали на работу в городские предприятия: в 1935 г. из 305 городов в 159 не наняли ни одного еврея, а в остальных это были единицы, в то время как в некоторых евреи составляли 75–95% жителей. В Варшаве на 22 000 работников приходилось 150 евреев [Mahler 1944, 302–303]. Вытесняемые с занимаемых позиций еврейские массы, прежде всего – молодежь, были лишены работы, в их среде все более распространялась категория так называемых лишних (*zbednych*) людей, то есть прозябавших в семейных магазинах и мастерских, которые прекрасно могли обойтись без них (см. [Czarnowski 1956]).

Еврейское сообщество развивалось параллельно той среде, в которой пребывало. Модернизация евреев проявилась также и в создании политических партий, что было совершенно новым явлением для евреев Восточной Европы до Первой мировой войны. Этот процесс протекал параллельно с созданием польских партий. С самого начала еврейское политическое движение характеризовало разнообразие, при этом следует принимать во внимание относительную однородность общинной структуры еврейского населения. Наряду с различиями, подобными существовавшим среди польских партий, были и особые еврейские: например, разделение на приверженцев и противников создания государства в Палестине; спорным был и ответ на вопрос, являются ли евреи народом. По отношению к правительству эти партии можно разделить на готовых сотрудничать и занимавших конфронтационную позицию. Существенные различия были в тактике борьбы за права еврейского меньшинства, дополнительными элементами разделения были религиозные и региональные. Отметим, что все эти движения не были однородными. То же самое можно сказать и о еврейском рабочем движении.

В политической жизни главную роль до середины тридцатых годов играли сионисты [Mendelsohn 1981, Walicki 2005, Jaworski 1996]. Не отказываясь от борьбы за создание собственного государства, они боролись за еврейскую национально-культурную автономию. Путем к этому должен был быть демократический государственный строй страны, охраняющий политическую

свободу и гарантирующий полноту прав национальных меньшинств, в том числе – полное равноправие евреев. Борьба за реализацию этих требований началась сразу после обретения Польшей независимости. Сионистская программа автономии основывалась на разработках национального вопроса австрийскими социалистами [Żyndul 2000, 12]. Этими разработками пользовался также Бунд. Эту идею провозгласил и Семен Дубнов: основой организации еврейского сообщества должна была быть народная община, отдельные общины должны были создать союз, который представлял бы евреев в государственных учреждениях [Дубнов 1907]. В Польше эти идеи поддерживали последователи Дубнова фолькисты и Бунд. Сионисты были согласны с ними в том, что основой должна быть национальная община. Они сознавали, что может появиться противоречие между стремлением к созданию еврейского государства в Палестине и лояльностью по отношению к стране проживания, поэтому еще с 1916 г. провозглашали, что хотят соединиться с польским народом «на основе общего труда на благо страны и защиты его интересов» [Materiały 1920, 99]. Требуя признания евреев народом и соответствующего отношения к нему, сионисты не оспаривали польский характер государства [Hartglas 1918, 23]. Одновременно они требовали создания национальных общин, объединяемых Еврейским национальным конгрессом.

Сионистское движение было далеко от монолитности, оно представляло собой мозаику из партий и фракций, идеологов и конкурирующих друг с другом активистов. Объединяло сионистов стремление к собственному государству, однако его модель, пути к этой цели, и политика, которую надо проводить в диаспоре, были постоянным предметом конфликтов. Для одних сионистских партий это было основной деятельностью, для других – одним из пунктов программы. Сионистское движение стало популярным, поскольку оно защищало евреев в диаспоре.

В 1918 г. в Польше действовали четыре сионистские федерации: в Варшаве, Львове, Кракове и Вильно, но в конце двадцатых годов виленская федерация вошла в варшавскую, ее лидером стал Ицхак Гринбаум. Их разделяли исторический опыт и региональные различия. В Галиции преобладали тенденции умеренности, восходящие к опыту австрийского парламентаризма, предрасположенность к компромиссу и поискам политического диалога с властью. Лидером в Восточной Галиции был Леон Райх, Западной – Озь-яш Тон. В бывшем Царстве Польском преобладало мнение, что проблемы нельзя решить путем соглашения, к тому же здесь произошел раскол на фракции: *Ал-Хамишмар* («На страже») и *Эт-Ливнот* («Время строить»), которая сблизилась с галицийскими сионистами. Все попытки объединения сионистского движения кончались безрезультатно.

В 1925 г. Владимир Жаботинский создал Новую сионистскую организацию. Она не принимала участия в польской политической жизни. Его программа наиболее массовой и немедленной эмиграции евреев в Палестину

во второй половине тридцатых годов стала привлекательной для польского правительства. Религиозное крыло сионистов представляла *Мизрахи*, чьим лозунгом было «Земля Израиля для Народа Израиля в согласии с Торой Израиля». Во второй половине двадцатых годов она начала терять влияние и уступать свои позиции *Агуде*. Отношение польского правительства и польских политических партий к сионистам в целом было недружелюбным, двойственным: они поддерживали сионистское стремление к созданию государства в Палестине, а потому предоставляли помощь оружием и деньгами, а также помощь в подготовке в специальных лагерях кадров для боевой организации Жаботинского *Эцель*, одновременно выступая против программы сионистов в стране.

Партией, которая считала родиной евреев страну их проживания, была «Еврейская народная партия» (фолькисты). Она признавала евреев народом и стремилась к их автономии. Будучи светской партией, она выступала за национальную общину, права евреев в свободной и демократической Польше, и поэтому боролась с сионистами, *Агудой* и ассимиляторами. Языком евреев члены партии считали идиш [Kiel 1975, 75–89]. Пик ее влияния – это первая половина двадцатых годов, преимущественно она была влиятельна в Варшаве и в виленском округе.

Самой влиятельной религиозной партией была *Агудат Исраэль*. Обращаясь к идеологии консервативного и ортодоксального хасидизма, она сосредоточила свое внимание на вопросах религии, принимая за основу программы свободу вероисповедания, в то время как национальная проблема не вызывала большого интереса. Руководители партии считали политику мало существенной – до того момента, пока она не начинала угрожать нарушением законов религии или ухудшением условий жизни евреев. Раввины стремились сохранить те ценности, которые обеспечивали сохранение многовекового существования еврейства. Вместе с тем, участвуя в выборах, издавая газеты и пр., члены *Агудат Исраэль*, вопреки своим намерениям, модернизировали самую традиционную часть еврейского сообщества. Поэтому *Агуду* не одобряли некоторые дворы хасидских цадиков и часть митнагдим, опасавшиеся ослабления традиционной структуры. *Агуда* боролась с влиянием сионистов, которые в ее понимании олицетворяли безбожие. В тридцатые годы, однако, под влиянием растущего антисемитизма *Агуда* начала говорить об алии и палестинской родине.

Рабочее движение также было разрознено. Самой крупной еврейской партией был Бунд (*Algemajner Jidiszer Arbajter Bund*) [Pickham 2005; Nowogrodzki 2005; Minczeles 1999]. В первые годы независимости Польши Бунд был близок к коммунистам, а затем, с двадцатых годов тесно сотрудничал с социалистами. С одной стороны, Бунд проповедовал лозунг единства пролетариата, с другой – стремился к культурной автономии для евреев, в чем был схож с фолькистами.

Самое большое влияние Бунд приобрел во второй половине тридцатых годов, когда наиболее насущной проблемой для евреев стала борьба с антисемитизмом. Активно выступая против антисемитизма, с 1936 г. Бунд стал самой влиятельной еврейской партией в больших городах [Halpern 10 I 1937]. Подтверждением этого стали выборы в городские советы в 1938 г., когда из всех еврейских партий Бунд получил самое большое число голосов в Варшаве, Лодзи, Вильно и Белостоке. Даже, казалось бы, в такой недоброжелательной среде, как религиозные общины, в больших общинах в выборах 1936 г. Бунд получил почти 12% голосов [Żebrowski, Borzumińska 1993, 59].

В Польше существовало несколько сионистских социалистических партий. Важную роль в еврейском рабочем движении играла партия *Поалей-Цион* («Рабочие Сиона»), делившаяся на фракции *Поалей-Цион левый* и *Поалей-Цион правый*. Мало того, отдельно существовал *Поалей-Цион Восточной Галиции* и т.д. Меньшим влиянием обладала «Сионистская партия труда» (*Мафлегат Авода Ционит*), называемая *Хитахдут* («Союз»), провозглашавшая, что национальное и социальное должно осуществляться параллельно, а классовый момент должен быть подчинен национальному. Целью этих партий было создание в Палестине социалистического государства.

Постепенно в Польше ослабевало влияние ассимиляторов, выступавших против всех еврейских партий, считавших себя поляками – и одновременно борющихся за равноправие евреев. Большинство евреев не считало их частью еврейского сообщества, а для польских националистов они оставались евреями.

Возрождение независимого польского государства большинство евреев приняло с неуверенностью в своем будущем. Они оказались в новом для себя положении, тем более что первые месяцы независимости казались неприглядными – по стране прокатилась волна антиеврейских выступлений разного рода, которая, однако, несравнима с тем, что имело место на Украине. Положение евреев усложнялось еще и тем, что они жили не только среди поляков, но и на территориях, где большинство жителей были украинцами или белорусами, и по этой причине евреи иногда становились жертвами польско-украинских конфликтов. Поляки обвиняли их в недостатке патриотизма, а украинцы – в участии в полонизации. В обвинениях другого рода обе стороны не отличались друг от друга. Евреи с самого начала сознавали, что равноправными гражданами они могут стать только в демократическом государстве, и все двадцать лет выступали в защиту демократии. Одновременно они опасались дальнейшего неблагоприятного развития ситуации. Результатом стали попытки защиты, предпринятые на мирной конференции в Париже. Участники конференции, имея в виду положение в Восточной Европе, подписали договор о защите национальных меньшинств. До сих пор продолжается дискуссия, нужен он был евреям Польши или нет. Например, правом вносить жалобы в Лигу Наций, в отличие от немцев и украинцев, евреи не воспользовались ни разу.

Политические споры среди евреев ослабляли их в борьбе за свои права. Растущее чувство опасности в середине тридцатых годов принудило еврейские партии к сотрудничеству. Однако этот процесс продвигался относительно медленно и не закончился до войны. Ввиду нарастающего антисемитизма сионисты в 1934 г. снова попытались создать Еврейский национальный совет. Агуда, которая сотрудничала с режимом Санации, отвергла эту идею. Лишь в сейме в 1937 г. было создано Временное представительство польского еврейства. Однако политики считали, что оно не представляет еврейства и требовали созыва конгресса, на котором будет создано демократическое представительство евреев. В конце концов, конгресс не был созван. Как писал Ежи Хольцер, «в той зловещей действительности второй половины тридцатых годов для еврейской *realpolitik* в Польше уже не было места, как, впрочем, и нигде в мире» [Holzer 1983, 382].

Польша возрождалась как одно из самых демократических государств Европы. Евреи сразу активно включились в политическую жизнь страны. Они принимали активное участие в выборах – как муниципальных, так и парламентских. Евреи были разобщенным меньшинством, еврейские депутаты парламента избирались в основном только в больших городах, однако и там препятствием была их раздробленность. Например, в 1919 г. в Варшаве на выборы было внесено 19 еврейских списков. Партийная раздробленность была одним из факторов ослабления общины. Только один раз евреи использовали свой потенциал, выступив в 1922 г. в блоке с остальными меньшинствами, когда еврейские депутаты составили 8% от общего числа. Однако внутренние споры ослабляли эффективность их действий. Начиная с выборов 1928 г., их положение осложнилось из-за ограничения роли парламента, постепенно вводимого режимом Санации. Как писал главный редактор очень влиятельного журнала «Новое обозрение» («Nowy Przegląd») Яков Аппеншляк, «роль нашего представительства в законодательных органах столь незначительна, что даже при большем влиянии сейма и сената сила еврейского представительства, впрочем, разобщенного и разделенного внутренними раздорами, почти не входила бы в расчет» [Appenzlak 1930].

В сейме евреи редко голосовали за вотум доверия правительству. Когда в 1920 г. независимость Польши оказалась под угрозой, они голосовали за создание правительства народного единства. В общем оценка правительства зависела от его отношения к евреям. Например, они положительно отнеслись к правительству Александра Скшиньского, который выступал за такие отношения с национальными меньшинствами, «чтобы, не теряя ничего от своей национальной и культурной сущности, они стали частью государственного организма, объединились с польскими государственными интересами и приняли их за *suprema lex* также для себя» [Skrzyński 1924, 46].

Во время войны 1920 г. начались переговоры, которые с польской стороны вел вице-премьер, социалист Игнаций Дашинский, с представителями

еврейской фракции в сейме. Однако сионисты, недовольные политикой правительства, отказались от их продолжения, мотивируя это тем, что «во время переговоров положение евреев в Польше не только не улучшилось, а, наоборот, во многих отношениях ухудшилось» [ЦАС Фонд Гринбаума]. Переговоры продолжились правительством Грабского, а со стороны евреев – руководителями сионистов Галиции Леоном Райхом и Озьяшем Тоном. Против переговоров были как национальные демократы – эндеки⁹, так и сторонники Гринбаума. Продолжались они несколько месяцев и кончились подписанием так называемого соглашения, которым почти все были недовольны [Tomaszewski 2000, Rudnicki 2015, 210–225]. Параллельно с завершением переговоров министр иностранных дел в правительстве Грабского, Скшинский от имени правительства направил Нахуму Соколову как представителю Всемирной сионистской организации письмо, в котором писал, что «польское правительство с живым интересом наблюдает за усилиями Сионистской Организации по возрождению собственной национальности и еврейской культуры на месте ее исторической колыбели <...>. Польское правительство, согласно с духом международных договоров, [будет] оказывать свою моральную поддержку тем достойным признания стараниям, в которых оно усматривает стремление к прогрессу в сфере цивилизации и мира» [Hafftko 1932, 259]. Это было первое признание целей сионизма и права евреев на Палестину как на национальный очаг (*siedziba narodowa*).

Дважды в руках евреев в некотором смысле была судьба страны. Первый раз – когда они проголосовали в 1919 г. за раздел помещичьей земли, несмотря на антисемитизм большинства крестьянских партий. И второй раз – когда они не позволили свергнуть Пилсудского в 1922 г. Евреи в Сейме голосовали почти всегда вместе с левыми партиями, понимая, как уже было сказано, что их положение и безопасность может гарантировать только демократическое государство. В прениях по конституции Гринбаум говорил: «Я считаю своей честью и честью своего народа, что евреи всегда стоят по ту стороны баррикады, где находятся угнетаемые, а не угнетатели» [Gruenbaum 1920, 85]. Главным врагом евреев были польские националисты. Отсюда сотрудничество евреев с Пилсудским, который относился к ним так же, как и к остальным национальным меньшинствам.

После майского переворота 1926 г. евреи оказались в трудном положении. Сначала они безоговорочно одобряли политику Санации, тем более что власти решили наконец проблему гражданства, а в своей речи премьер Казимеж Бартель сказал: «... правительство не позволит, чтобы законные права граждан не польской национальности подвергались ограничениям, так как я считаю, что преследование какой-либо категории граждан из-за их

⁹ Сокращенное название членов польской правой националистической Национально-демократической партии (*Narodowa Demokracja*), существовавшей в 1897–1947 гг. – *Прим. ред.*

языка или веры противоречит духу Польши». Он также назвал экономический антисемитизм вредным и пообещал пересмотреть закон о воскресном отдыхе, который запрещал работать в этот день, что ударяло по доходам евреев, праздновавших субботу, и таким образом не имевших права работать два дня в неделю [Bartel 1926, 23].

Евреи сознавали, что равноправие может сохраняться только в демократическом государстве, и со временем росло сопротивление попыткам ликвидации демократии, примером чему стало несогласие еврейских депутатов на изменение конституции. Переход в оппозицию осложнял тот факт, что к оппозиции принадлежали их главные враги – эндеки, помешали и внутренние споры в среде еврейских депутатов. Это стало причиной раскола на сторонников и противников Санации. Однако еврейские депутаты были несколько раз вынуждены голосовать против некоторых предложений оппозиции, не без оснований считая, что они могут быть использованы против евреев [Rudnicki 2015, 51]. Так было и с ликвидацией автономии высших учебных заведений, потому что ее использовали в борьбе за ограничение прав еврейских студентов.

Начиная с 1935 г. вся оппозиция бойкотировала выборы. Еврейские политики, несмотря на это, решили остаться в сейме, исходя из того, что хотя они не имеют никакого влияния на принимаемые решения, но сейм является местом, где можно по крайней мере представить еврейскую точку зрения на происходящие события. Евреи, обвиняемые антисемитами в нелояльности, декларировали свою верность польскому государству, несмотря на недоброжелательность военного командования, которое во время войны с большевиками (1919–1921) заключило еврейских добровольцев в лагерь в Яблонной, и несмотря на все последующие преследования. На последнем заседании сейма 2 сентября 1939 г. от имени евреев выступил Соломон Зайденман: «Повторяю еще раз, что еврейские жители Польши без каких-либо оговорок <...> готовы нести все жертвы, которых требует данный исторический момент» [Seidenman, 1939, 6].

С самого начала евреи боролись за свою безопасность и равноправие, которое они понимали трояко: во-первых, как ликвидацию законодательных ограничений, унаследованных от бывших империй; во-вторых, как гарантию равноправия в принимаемых новых законах; в-третьих, как соблюдение действующих законов, поскольку на практике это происходило по-разному. Постепенно в новых принимаемых законах исчезали те немногие ограничения времен разделов Польши, которыми власть иногда пользовалась. Но только в 1931 г. официальным решением парламента они были окончательно отменены. Лишь после майского переворота 1926 г. был окончательно урегулирован вопрос гражданства части евреев. Один из мифов гласил, что гражданство получили 600 000 человек, а как утверждала пропаганда национальных демократов – даже миллион. Речь шла о людях, которые десятилетиями проживали на территории Польши и фактически

имели гражданство, лишь в некоторых случаях его получение было проблематично. Это касалось, как писал директор Бюро национальной политики президиума Совета министров Станислав Папроцкий, 30 000 человек [AAN PRM, 305]. Вообще весь вопрос гражданства, тянувшийся столько лет, возник вследствие недоброжелательной интерпретации постановления парижской конференции о гражданстве.

Борьба за любую национальную автономию была заранее обречена на неудачу. Даже если принять, что польские националисты хотели сепарации евреев, на автономию они не могли согласиться. Предоставляя ее евреям, они были бы вынуждены дать ее и другим меньшинствам, что превращало бы Польшу, как они провозглашали, из национальной страны в многонациональную, каковой она была в действительности. Это было бы для страны небезопасно, так как только евреи не выдвигали лозунгов отделения.

После смерти Пилсудского правящий режим Санации изменил свою политику по отношению к евреям, заимствуя лозунг эндеков. Появляются новые законы, ограничивающие права евреев, прежде всего в экономической области. Первым и самым известным был закон об убое скота, принятый в 1936 г. и сводящийся к запрету ритуального забоя (*шхиты*). Авторы закона не скрывали, что речь идет о вытеснении евреев с мясного рынка, и под предлогом гуманного отношения к скоту лишили работы десятки тысяч людей, а общины – одного из основных источников дохода [Rudnicki 1992, 147–160]. Не только экономический характер носил закон об адвокатуре, принятый в 1938 г.: он гласил, что будущие адвокаты обязаны проходить судебную стажировку, а также наделял министра юстиции правом запрещать доступ в адвокатуру до 1945 г., за исключением лиц из его ежегодного списка. Это закрывало доступ к адвокатуре для представителей национальных меньшинств, а прежде всего – для евреев, лишая молодых юристов возможности найти работу в адвокатуре (в первом списке не было ни одного еврея), так как они не имели шансов поступить ни в прокуратуру, ни в суды¹⁰.

Откровенно антиеврейскую направленность имел закон от 31 марта 1938 г. о лишении гражданства тех, кто утратил связь с польским государством. На основании этого закона гражданства лишились евреи, проживавшие в Германии, что для правительства Германии стало предлогом для изгнания евреев – польских граждан [Tomaszewski 1998].

История разделения мест в аудиториях высших учебных заведений на христианские и еврейские тянулась несколько лет и кончилась победой антисемитов [Rudnicki 1987].

В Польше не было принято ни одного закона, который бы относился ко всем евреям, выделяя их как группу населения. Законы относились ко всем

¹⁰ Анализ этих и других законов, а также литература по этой проблеме в сборнике статей [Rudnicki 2008].

гражданам, исключение составлял лишь закон о ритуальном забое скота. Ни в одном законе или распоряжении не фигурировало слово «еврей», хотя ни у кого не было сомнения, о ком идет речь. Для групп лиц, к которым они относились, эти законы носили унижительный характер, были обременительны или препятствовали возможности для людей некоторых профессий найти работу. Они вызывали опасения всего еврейского общества за свое будущее.

Вместе с тем, ни правительство, ни парламент не поддавались давлению отдельных депутатов, чьи проекты ограничения прав евреев шли в том же направлении, что и нюрнбергские законы, и последовательно торпедировали все попытки разделения граждан на различные категории. Власти гарантировали евреям формальное равенство и заверяли в своей заботе об их личной безопасности. На практике они не всегда могли или не хотели выполнять свои обязательства [Rudnicki 2008; 2015].

В открывающей заседание сейма речи 4 июня 1936 г. премьер Складковский, выступая против насилия по отношению к евреям, одновременно заявил: «Экономическая борьба – да, но притеснения (*krzywdy*) – никакого» [Składkowski 1936b, 7]. Все восприняли эти слова как поощрение экономического бойкота. А один из представителей Министерства иностранных дел, Ян Суkenник, принимая делегацию евреев, протестующих против антисемитизма, заявил: «...теперь в Польше все антисемиты. Мы не можем посылать полицию охранять каждого отдельного еврея. Мы не можем придираться к каждому молодому человеку за то, что он антисемит» [Tygiel 1974, 90].

Некоторые городские советы начали переносить ярмарки за город, потому что на городских рынках находились еврейские магазины, переносить торговые дни на субботу и т.п. Не говоря уже о том, что члены националистических организаций не допускали евреев на рынки или покупателей к еврейским магазинам и лавкам. Мало того, министр промышленности и торговли издал 19 апреля 1937 г. распоряжение об обязанности размещать на вывесках, кроме названия заведения, полную фамилию хозяина, что в условиях распространенных в обществе антисемитских настроений облегчало бойкот.

В антиеврейской деятельности лидировала национал-демократическая партия, чьим центральным призывом стал бойкот. Ее активность проявлялась не только в организации бойкота или пикетов перед магазинами. Все чаще это было физическое насилие, как, например, во львовском университете, где были убиты три студента. «Полицейская статистика показывает, что число антиеврейских выступлений ежегодно растет, – писал известный журналист Ксаверы Прушиньский, – возникают они все чаще, продолжают дольше, оставляют все больше жертв, и растет число их участников» [Pruszyński 1937]. Примером может послужить белостокское воеводство. По словам Складковского, в 1936 г. там было зафиксировано 348 антиев-

рейских выступлений, в том числе – 21 массовое, 99 случаев нанесения побоев, 7 – тяжких телесных повреждений, 3 случая со смертельным исходом [Ostre, „Nasz Przegląd” 1937]. Только в первом квартале 1936 г. полиция зарегистрировала антиеврейские выступления в 21 местности [AAN MSW 963, 238]. Судя по другим источникам, эти отчеты были неполными. Согласно подсчетам, которые Лещинский составил на основании польской прессы в 1935 и 1936 гг., в результате антиеврейских выступлений были ранены 1 289 евреев в более чем 150 городах [Лещинский 1951, 79].

Евреев все больше охватывало чувство неуверенности в личной безопасности, тем более что следующим лозунгом стало принуждение евреев покинуть страну, или как писали, «разжидить Польшу» в экономическом и культурном отношении. Начиная с 1935 г. этот лозунг подхватила Санация. В этом духе партия «Лагерь народного объединения» и ее парламентская фракция принимали соответствующие резолюции. А правительство, действуя также и на международной арене, неоднократно выступало в Лиге Наций с требованиями найти территорию для еврейской эмиграции. Польское правительство сотрудничало в этом направлении с Еврейским агентством, и особенно – с Владимиром Жаботинским. Членов *Иргун Цвей Леуми* («Народной военной организации») польские офицеры обучали тактике партизанской борьбы и диверсии, снабжая их оружием и деньгами.

Настроения евреев хорошо представил в Сенате раввин Большой синагоги в Варшаве Моисей Шорр: «В течение короткого времени при той же конституции, в том же в правовом и экономическом отношении государстве, из гражданина, представляющего стремления и нужды существенной части граждан Польши, я превратился в человека, пониженного до категории эмигранта *in spe*, представляющего какую-то чуждую, эфемерную, временную группу еврейских пришельцев» [Schorr 10 II 1938, 80]. Ему вторил Зигмунт Жулавский, член руководства Польской социалистической партии, председатель профсоюзов, депутат сейма: «Это же страшно – жить в условиях, в которых законодательство гарантирует всем одинаковые права, и чувствовать себя, вопреки этому, “терпимым” из милости, чувствовать, что к тебе относятся как к зачумленному, быть изолированным от общества как прокаженный – только потому, что родился евреем. Это страшно ждать, когда, в конце концов, человека вытеснят в эмиграцию из родного города и с родной земли – добровольно или принудительно – в зависимости от того, как “международная договоренность” позволит решить этот вопрос» [Żuławski 1939, 225]. Представляется, что вторая половина тридцатых годов – самый худший период отношения к евреям в Польше.

Параллельно этой темной стороне существовали и более светлые стороны еврейской жизни. Как в больших городах, так и в маленьких штетлах действовали десятки разнообразных организаций политического, религиозного и культурного характера. К свойствам еврейской общины относился сравнительно низкий процент неграмотных. В 1931 г. среди исповедую-

щих иудаизм в возрасте десяти и более лет 82,8% умели читать и писать [Tomaszewski 1985, 112]. Евреи всегда придавали огромное значение просвещению молодежи и связанной с ним системой образования, как важнейшему элементу сохранения национальной идентичности¹¹. Еврейские школы отличались друг от друга языком обучения и системой воспитания. Если бундовцы выступали за идиш, сионисты хотели школ с ивритом. Существовали школы религиозные и светские. Во всех школах, включая хедеры, часть предметов велась на польском языке, и даже в хедерах под нажимом правительства были общеобразовательные предметы. Не было государственных школ с еврейским языком – все еврейские школы были частными и содержались за счет еврейской общины и ее организаций (ЦИШО, Тарбут). Школы возникали и закрывались, а те, где обучение происходило на идише, часто закрывало правительство – иногда по обоснованным причинам, а иногда без таковых. По сравнению с ними ивритские школы были в привилегированном положении. Все это обусловило очень сложную структуру еврейского образования. Не без оснований сионистская газета писала: «Это нездоровое явление, беспрецедентное в истории народов мира, является результатом ненормальных жизненных условий и ненормального пути эволюции еврейского народа» [Ekes 27 VII 1931]. Постоянные изменения числа школ и учеников представляли определенные трудности для их статистического учета.

Самым старым типом школ являлись хедеры и *Талмуд-Тора*. Они были самыми массовыми, но учились в них только мальчики. Неизвестно сколько было таких школ, но они существовали во всех местах, где проживали евреи. Уровень и условия в них иногда противоречили нашему представлению о том, что такое школа, но большинство евреев не представляло себе, чтобы дети не учились религии. Свою сеть школ (Центральную ортодоксальную школьную организацию) создала *Агуда*, и она объединила большинство хедеров. Во всех типах школ *Агуды* училось 73 000 учеников. Уже в независимой Польше Сара Шенирер создала школы для девочек – *Бейс Яков* («Дом Якова»). *Агуда* признала их «лучшим решением образования для девочек». В 1938 г. в них обучалось около 38 000 учениц (Eisenstein 1950, 86; Каждан 1941, 486). Религиозный характер носили также школы Мизрахи, в которых учились около 6 600 учеников (Тартаковер 1931, 148). В Польше действовало 170 иешив¹². Влияние некоторых из них, таких как иешивы в Воложине и Мире, распространялось на весь мир [Stampfer 1998, 22]. Самой известной стала созданная Меиром Шапира в 1930 г. иешива *Хахмей Люблин*, независимая от дворов цадиков [Zieliński 2005].

В отличие от школ других национальных меньшинств, не было ни одной государственной школы с еврейским языком. Все еврейские школы

¹¹ [Eckert, Archiwum PAN; Mauersberger 1968; Chmielewski 1937 № 1–2; Hecht 1937; Hecht 1938; Romantsov 2013; Zieliński 2003].

¹² Б. Вассерштейн пишет о 200 иешивах [Wasserstein 2012, 126].

содержали практически сами евреи, но они платили и общие налоги, на которые содержались все остальные школы в Польше (напомним, что евреи составляли 60% городского населения, а крестьяне практически не платили налогов). Иногда им помогали магистраты, но с годами суммы уменьшались, пока не дошли до нуля. Как писал Арье Тартаковер, «не будет никаким преувеличением утверждение, что большая часть еврейского образования, в особенности общеобразовательного, существовала благодаря самоотверженности учителей, которые в голоде и холоде стоят на своем посту, а также благодаря самоотверженности отцов, которые свои последние копейки расходуют на еврейское воспитание детей, чем на реальных экономических возможностях» [Tartakower 1931, 29].

Школами на идише руководило Центральное Объединение еврейских школ (*Централе Идише Шул Организацие*, ЦИШО), находящееся под влиянием Бунда. В этих школах училось не больше 19 100 учеников. В отличие от сионистских школ *Тарбут*, более близких к традиции, в них вообще отсутствовала религия. В разного типа школах *Тарбут* в 1929–1930 учебном году училось 23 700 детей [Mauersberger 1968, 178; Dachówna 1935]. В 1928 г. Игнаций Шипер и Шолом Аш организовали еще один тип школ – *Шул-Культ*, находящийся под влиянием *Поалей-Цион*. В 25 школах этого типа учились около 3 500 учеников [Zieliński 2003, 221]. Кроме того существовали частные школы с польским языком преподавания, но отдельными предметами на идише или иврите, где учились до 30 000 учеников [Mauersberger 1968, 183].

С самого начала в разного типа польских школах, в том числе так называемых *шабасувакх*, где не было занятий по субботам и еврейским праздникам, училось более половины еврейских детей. Например, в 1935–1936 г. в польских школах учились 355 000 (61,2%) еврейских школьников, в религиозных школах – 171 000 (19,9%), а в остальных школах – почти 55 000 (9,9%).

Отдельной проблемой были школы для девочек, так как в еврейской религиозной традиции такие школы отсутствовали [Łagodzińska 2012, 41]. Создание школ для девочек или отправка их в польские школы были крупным шагом на пути модернизации еврейского общества.

Учитывая структуру еврейского общества, огромное значение имело профессиональное обучение. В основном содержание таких школ также легло на плечи самих евреев.

С одной стороны, все большее число еврейских детей кончали польские школы, говорили по-польски, были связаны с польской культурой, возрастала аккультурация. С другой стороны, растущий антисемитизм препятствовал ассимиляции, если не делал ее невозможной. В тридцатые годы наблюдалось возвращение в лоно еврейства.

Свидетельством популярности высшего образования является число студентов в высших учебных заведениях. В конце двадцатых годов 20% студентов составляли евреи. Лишь под давлением антисемитских высту-

плений, ареной которых стали высшие школы, их число стало уменьшаться и упало ниже общего процента евреев в стране (с 20,4% в 1928–1929 гг. до 7,9% в 1937–1938 гг.). После введения в жизнь ограничительного правила *numerus clausus*, требованием антисемитов стало *numerus nullus*, то есть полное закрытие для евреев высших учебных заведений. Среди этих заведений были и такие, которые непосредственно перед Второй мировой войной не приняли ни одного еврея. Поскольку для евреев практически были закрыты государственные учреждения, большинство евреев учились на медицинских, юридических и гуманитарных факультетах, незначительная часть поступала в политехнические и художественные учебные заведения. Поскольку обучение становилось небезопасным, многие вынуждены были учиться за границей¹⁵.

Евреи были многоязычной группой, и помимо своих языков обычно знали язык страны пребывания. Очевидно, дискуссия о языке для евреев носила не только культурный – на каком языке учить молодежь и развивать литературу, – но и идеологический характер, и стала ареной политических столкновений. В 1931 г. 79,9% исповедующих иудаизм признали своим родным языком идиш, 7,9% – иврит, и 12,2% – польский. Вызывает сомнение столь значительное число признающих иврит родным языком. Конечно, многие знали его как язык религии, его учили в хедерах, но трудно предположить, что им пользовались как разговорным. Возможно, многие сионисты называли иврит родным языком по политическим причинам, хотя сомнительно, что они пользовались им в повседневной жизни. Несомненно, все больше евреев знали польский, а также, как видно, считали его своим родным языком. Однако совершенно ускользнул из поля зрения статистики тот возможный факт, что на востоке страны многие евреи говорили по-русски. Однако на правительственном уровне идиш признавался не языком, а жаргоном. Общины как учреждения были обязаны пользоваться польским.

В Польше были созданы еврейские научные учреждения, например, в Вильно в 1925 г. возник Еврейский научный институт ИВО (*Идише Ви-сеншафтliche Организация*), возглавляемый Максом Вайнрайхом. В его почетный президиум входили такие ученые как Семен Дубнов, Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд. В его задачи входило собирание и описание всех проявлений еврейской жизни. В первую очередь там работали над исследованием идиша. Залман Рейзен издал здесь четырехтомный «Лексикон еврейской литературы, печати и филологии» (1926–1929, 1-е издание вышло в Варшаве в 1914 г.). В течение десяти лет его сотрудниками и в его журналах было опубликовано около 6 000 научных работ [Żebrowski, Borzymińska 1993, 121]. ИВО также проводил конкурсы автобиографий, которые явились основным источником для исследований жизни еврейской молодежи [Cała

¹⁵ Об условиях обучения см. [Kurczab 1958; Tomaszewski 1985, 116].

2003]. Эта организация стала самым авторитетным в мире нерелигиозным еврейским научным заведением. В 1935 г. там прошел съезд ученых всего мира, который подвел итоги состояния науки о еврействе.

В Варшаве в 1928 г. был создан Институт иудаистических исследований, где готовили молодых ученых, а преподавателями были такие известные ученые как возглавивший кафедру библеистики Мозес Шорр, историю евреев в Польше преподавал Маер Балабан, историю экономики – Игнаций Шипер, социологию – Арье Тартаковер. В Институте работали три поколения еврейских историков, труды которых не утратили своей научной ценности по сей день. В 1938 г. сотрудники Института приняли участие в издании «Палестинской энциклопедии». Война прервала эту ценную инициативу [Rudnicki 2016].

Евреи внесли неоценимый вклад в польскую науку. Ограниченный объем статьи позволяет привести лишь единичные примеры. Польскую историю исследовали такие ученые как Шимон Аскенази и Марцелий Хандельсман – создатель Института истории Варшавского университета. Выдающимися юристами были Рафаил Таубеншляг и Мауриций Аллерханд – член кодификационной комиссии, созданной в 1919 г. для унификации законодательства. Среди филологов можно назвать такие имена, как, например, Юлиуш Кляйнер, Самуэль Адальберг, издавший четырехтомное «Собрание польских пословиц» («Księgi przysłów polskich»). Трудно переоценить вклад евреев в развитие математики. Одним из создателей львовской математической школы – вместе со Стефаном Банахом – был Гуго Штайнхауз. Вокруг них собралась группа молодых математиков, большинство из которых были евреями. В Варшаве профессорами были такие математики как Казимеж Куратовский, один из основателей варшавской математической школы, среди членов которой было также немало евреев [Przeniosło, 2013]. Среди врачей следует назвать Людвика Гиршфельда, одного из создателей иммунологии. Списки ученых в разных областях науки можно продолжать; среди них есть несколько лауреатов Нобелевской премии, которые начинали свою научную карьеру в Польше.

В межвоенное двадцатилетие происходило бурное развитие еврейской литературы. Ее характерной чертой была связь с мировой литературой, но большое влияние на нее оказывала и польская литература. Тот факт, что евреи пользовались несколькими языками, отразился и в их литературе [Shmeruk 1986, 285–311]. Прежде всего развивалась литература на идише. Еврейские писатели создали такие группы как *Юнг Идиш* (Молодой идиш) в Лодзи и *Юнг Вилне* (среди ее членов были, в частности Хаим Граде, Шмерке Кочергинский и Авром Суцкевер). Членами этих групп были, помимо литераторов, и художники [Malinowski 1987]. Главным литературным центром оставалась Варшава, где активно действовал Еврейский союз писателей и журналистов [Segałowicz 2001]. Здесь работали братья Исроэл-Иешуа и Иса-

ак Башевис Зингеры и многие другие, создавалась и еврейская литература на польском языке [Prokop-Janiec 1992].

Массовый зритель знакомился с литературой через театр. Некоторые деятели искусства относились к театру на идише как к средству борьбы за сохранение еврейской идентичности [Steinlauf 1989, 401]. Вместе с тем они ставили свои произведения и на польском языке. Межвоенный период стал эпохой бурного развития еврейского театра, на сценах которого выступали такие известные актеры как Эстер-Рохл и ее дочь Ида Каминские. Самыми известными театрами были «Виленская труппа» и *Варшавский еврейский художественный театр* (Варшавский еврейский художественный театр). Сформировалась многочисленная аудитория зрителей, прежде всего – из небогатой среды [Żebrowski, Borzumińska 1993, 184].

Параллельно развивалось кино на идише [Gross 2002]. В нескольких киностудиях одни и те же режиссеры снимали фильмы как на идише, так и на польском языке. Одним из самых известных режиссеров польского кино был Юзеф Лейтес. Тематика была самая разная: от библейской, классики еврейской литературы – и до современности. Александр Форд снял фильм о жизни молодых эмигрантов в Палестине «Сабра». Около 80% кинематографической продукции производилось евреями, они и руководили Польским союзом кинопроизводителей.

Несмотря на религиозный запрет создавать изображения, развивалось изобразительное искусство. Известными художниками были Мойжеш Кислинг, Евгений Зак, Мауриций Трембач, Меля Мутэр, братья Сайдебойтель, Генрих Берлеви и др. Генрих Куна выиграл общепольский конкурс на памятник Мицкевичу в Вильно, от возведения которого, как созданного евреем, городские власти в конечном счете отказались [Malinowski 2002, 2017]. Положение польских художников историк искусства Ежи Малиновский характеризует так: «Еврейские художники, также как писатели или артисты театра, могли вращаться исключительно в своем национальном кругу, однако благодаря универсальному языку изобразительного искусства <...> они обычно функционировали параллельно в еврейской и польской среде» [Malinowski 2002, 402].

Выше уже упоминалось о влиянии польской культуры на еврейскую, однако можно отметить и влияние художников еврейского происхождения на польскую культуру, не в смысле ее «ожидовления», как писали антисемиты, а благодаря тем ценностям и богатству, которые она вносила. Без Юлиана Тувима, Антония Слонимского, Болеслава Лесьмяна, Тадеуша Пайпера, Бруно Шульца (не говоря уже о ряде не столь значительных литераторов), невозможно представить себе польскую литературу, однако польские националисты не могли им простить их еврейского происхождения.

Массовое чтение везде начиналось с чтения газет, и евреи в этом отношении не были исключением. Еврейское искусство также популяризировала еврейская печать, самая развитая по сравнению с печатью остальных мень-

шинств. Помимо общепольских газет, выходило много различных местных изданий, печатавшихся прежде всего на идише, в меньшей степени на польском языке, и в единичных случаях – на иврите. В 1919 г. выходило 44 еврейских периодических издания, в том числе десять – по-польски. С годами их число росло: в 1936 г. общий тираж 26 ежедневных газет составлял около 450 000 экземпляров. Среди издаваемых на идише газет самым большим влиянием пользовались «Хайнт» и «Момент»; большой тираж и влияние (в том числе и на польскую публику имели варшавский «Новы пшегленд», львовская «Хвиля» и краковский «Новый дзенник». Еженедельные, двухнедельные и ежемесячные издания выходили суммарным тиражом в 270 000 экземпляров [Raczkowski 1980, 352–353]. Постепенно росло число изданий на иврите, хотя они печатались небольшим тиражом. Иногда в небольших городах выходили только еврейские газеты, примером чего может служить Млава с двумя газетами на идише [Szczepański 2005, 348].

Вопреки довольно распространенному мнению, евреи принимали активное участие в спортивной жизни страны, как в своих командах, так и в польских. Среди них были известные футболисты, боксеры, легкоатлеты, пинг-понгисты и т.д., не говоря уже о шахматах. В ватерполо долгие годы первенствовал клуб «Маккаби-Краков». Легендарной стала победа в 1938 г. боксера Шапселя Ротгольца (15 раз выступавшего в составе команды Польши, бронзового медалиста чемпионата Европы) над немецким спортсменом через несколько дней после Хрустальной ночи (Kozłowski 2015; Gawkowski 2007).

Развитая система еврейского образования, бурное развитие еврейской культуры, ее пропаганда в печати увеличивали потенциальное число потребителей культуры. Следует также обратить внимание на менее образованного и искушенного потребителя, однако мы не располагаем в этом отношении специальными исследованиями и в основном вынуждены довольствоваться репортажами и воспоминаниями. О росте интереса к еврейской культуре свидетельствуют не только тиражи газет и книг, но и выставки, и коллекции произведений искусства. Этот процесс жестоко прервала война.

Источники

- ЦАС Фонд Гринбаума – Центральный архив сионизма. Фонд Гринбаума. Ф-127. Т. 83, машинопись без даты.
- AAN MSW 963 – Archiwum Akt Nowych Ministerstwo Spraw Wewnętrznych. 963. P. 238.
- AAN PRM – Archiwum Akt Nowych, Prezydium Rady Ministrów. P. 305, 3A15
- Appenzlak 1930 – *Appenzlak J.* Żydostwo polskie a wybory // *Nasz Przegląd*. 6. IX. 1930.
- Ekes 1931 – *Ekes I.* Żydowskie szkolnictwo w Polsce // *Nowe Słowo*. 27. VII. 1931.

- Halpern 1937 – *Halpern L.* Hegemonia // Nasza opinia. 10. I.1937.
- Bartel 1926 – *Bartel K.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu. 19. VII. 1926.
Pos. 294, ł. 23.
- Braude 1924 – *Braude M.* Sprawozdanie Stenograficzne Senatu. 28.VII.1924.
Pos. 70, ł. 2.
- Frostig 1924 – *Frostig M.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu. 14.XII.1924.
Pos. 309, ł. 32.
- Gruenbaum 1920 – *Gruenbaum I.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu
Ustawodawczego. 28.IX.1920. Pos. 168, ł. 85.
- Hartglas 1927 – *Hartglas A.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu. 26.1.1927.
Pos. 312, ł. 40.
- Lewin 1934 – *Lewin A.* Sprawozdanie Stenograficzne. 6 XI 1934. Pos. 124, ł. 112.
- Ostre 1937 – Ostre przemówienie premiera przeciw sprawcom ekscesów
antyżydowskich // Nasz Przegląd. 14.I.1937.
- Protest – Protest przeciwko rozwiązywaniu zarządów gmin żydowskich //
Chwila. 7.XII.1928.
- Schorr 1938 – *Schorr M.* Sprawozdanie Stenograficzne Senatu. 10.II.1938. Pos. 66,
ł. 80.
- Składkowski 1936 – *Składkowski F.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu. 4.
VI.1936. Pos. 24, ł. 7.
- Seidenman 1939 – *Seidenman S.* Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu 2 IX 1939
Pos. 31.
- Sommerstein 1925 – *Sommerstein E.* Czas najwyższy // Nowy Dziennik. 3.
XII.1925.
- Котик 2009 – *Котик Е.* Мои воспоминания / Пер. с идиша М. А. Улановская,
под ред. В. А. Дымшица. СПб., 2009.

Литература

- Дубнов 1907 – *Дубнов С.* Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907.
- Лещинский 2002 – *Лещинский Я.* Еврейское население России и еврейский
труд // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.
М., 2002.
- Attali 2003 – *Attali J.* Żydzi, świat, pieniądze. Warszawa, 2003.
- Bacon 1966 – *Bacon G.* The Politics of Tradition. Agudat Yisrael in Poland 1916–
1939. Jerusalem, 1966.
- Bronsztejn 1963 – *Bronsztejn S.* Ludność żydowska w Polsce w okresie
międzywojennym. Wrocław, 1963.
- Cała 2012 – *Cała A.* Żyd wróg odwieczny? Antysemityzm w Polsce i jego źródła.
Warszawa, 2012.

- Cała 2003 – *Cała A.* Ostatnie pokolenie: autobiografie polskiej młodzieży żydowskiej okresu międzywojennego ze zbiorów YIVO w Nowym Yorku. Warszawa, 2003.
- Chmielewski – *Chmielewski S.* Stan szkolnictwa wśród Żydów w Polsce // *Sprawy Narodowościowe.* 1937. № 1–2.
- Czarnowski 1956 – *Czarnowski S.* Ludzie zbędni w służbie przemocy // *Czarnowski S.* Dzieła. T. II. Warszawa, 1956.
- Dachówna 1935 – *Dachówna D.* Szkolnictwo hebrajskie w Polsce // *Sprawy Narodowościowe.* 1935. № 3–4.
- Dmowski 1931 – *Dmowski R.* Świat powojenny i Polska. Warszawa, 1931.
- Eckert – *Eckert L.* Zagadnienie żydowskie w szkolnictwie w Polsce odrodzonej w okresie międzywojennym 1914–1938. Szkic historyczno-statystyczny // *Archiwum PAN. Papiery L. Eckerta.* III/180. T. 9.
- Eisenstein 1950 – *Eisenstein M.* Jewish Schools in Poland 1919–1939. Their Philosophy and Development. New-York, 1950.
- Gawkowski – *Gawkowski R.* Encyklopedia klubów sportowych Warszawy i jej najbliższych okolic 1918–1939. Warszawa, 2007.
- Gross 2002 – *Gross N.* Film żydowski w Polsce. Kraków, 2002.
- Hartglas 1928 – *Hartglas A.* Zasady naszego programu politycznego w Polsce. Referat odczytany na 3-ej konferencji syjonistycznej w Warszawie w listopadzie 1917 r. Warszawa, 1918.
- Haffka [1932] – *Haffka A.* Żydowskie stronnictwa polityczne w Polsce Odrodzonej // *Żydzi w Polsce Odrodzonej.* T. II. Warszawa, [1932].
- Hecht – *Hecht G.* 20 lat szkolnictwa żydowskiego w Polsce // *Głos Gminy Żydowskiej.* 1937. № 6–7.
- Hecht – *Hecht G.* Rozwój żydowskiego szkolnictwa powszechnego w Polsce Odrodzonej // *Głos Gminy Żydowskiej.* 1938. № 10–11.
- Holzer 1983 – *Holzer J.* Żydowskie dążenia polityczne w Drugiej Rzeczypospolitej // *Znak.* 1983. № 339–340.
- Janiec 1992 – *Prokop-Janiec E.* Międzywojenna literatura polsko-żydowska jako zjawisko kulturowe i artystyczne. Kraków, 1992.
- Jaworski 1996 – *Jaworski W.* Struktura i wpływy syjonistycznych organizacji politycznych w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1996.
- Kazdan 1947 – *Kazdan Kh.* Di geshikhte fun yidishn shulvezn in umophengikn poyln. Mexico, 1947.
- Kiel 1975 – *Kiel M. W.* The Ideology Folks-Partey // *Soviet Jewish Affairs.* 1975. T. 5. № 2. PP. 75–89.
- Kijek 2017 – *Kijek K.* Dzieci modernizmu. Świadomość, kultura i socjalizacja polityczna młodzieży żydowskiej w II Rzeczypospolitej. Wrocław, 2017.
- Krasowski 1988 – *Krasowski K.* Związki wyznaniowe II Rzeczypospolitej: studium historycznoprawne. Warszawa; Poznań, 1988.
- Krzywiec 2016 – *Krzywiec G.* Antysemityzm po polsku // *Kwartalnik ŻIH.* 2016. VI. Z. 2.

- Krzywiec 2017 – *Krzywiec G.* Polska bez Żydów. Studia z dziejów idei, wyobrażeń i praktyk antysemickich na ziemiach polskich początku XX wieku (1905–1914). Warszawa, 2017.
- Kurczab 1958 – *Kurczab J.* Uliczka św. Gertrudy. Warszawa, 1958.
- Landau 1977 – *Landau Z.* Oligarchia finansowa // *Landau Z., Tomaszewski J.* Druga Rzeczpospolita. Gospodarka, społeczeństwo, miejsce w świecie: sporne problemy badań. Warszawa, 1977.
- Leshinski 1937 – *Leshinski I.* Der yidishe khandl inem kleinem shtetl // *Di yidisze ekonomik.* 1937. № 1.
- Leshinski 1951 – *Leshinski I.* Erew Hurbn. Buenos Aires, 1951.
- Lindner 1937 – *Lindner M.* Der hurbn funem khandl in bielostoker reion // *Di yidisze ekonomik.* 1937. № 3–4.
- Lisek 2005 – *Lisek J.* Jung Wilne – żydowska grupa artystyczna. Wrocław, 2005.
- Łagodzińska 2012 – *Łagodzińska A.* Powstanie i rozwój ruchu Bejts Jakow na przykładzie wybranych ośrodków w latach 1917–1939 // *Kwartalnik ŻIH.* 2012. № 1.
- Mahler 1944 – *Mahler R.* Jews in Public Service and the Liberal Professions in Poland 1918–1939 // *Jewish Social Studies.* 1944. Vol. VI.
- Malinowski 1987 – *Malinowski J.* Grupa „Jung Idisz” i żydowskie środowisko „nowej sztuki w Polsce” 1918–1923. Warszawa, 1987.
- Malinowski 2000 – *Malinowski J.* Malarstwo i rzeźba Żydów polskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 2000.
- Malinowski 1985 – *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. II. Londyn, 1985.
- Marcus 1983 – *Marcus J.* Social and Political History of the Jews in Poland 1919–1939. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publisher, 1983.
- Materiały 1920 – *Materiały w sprawie żydowskiej w Polsce.* T. 2. cz. I. Warszawa, 1920.
- Mauersberger 1968 – *Mauersberger S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce latach 1918–1939. Wrocław, 1968.
- Mendelsohn 1981 – *Mendelsohn E.* Zionism in Poland. The Formative Years, 1915–1926. London, 1981.
- Mendelsohn 1992 – *Mendelsohn E.* Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym. Tłum. A. Tomaszewska. Warszawa, 1992.
- Minczeles 1999 – *Minczeles H.* Historie générale du Bund un mouvement révolutionnaire Juif. Paris, 1999.
- Nowogrodzki 2005 – *Nowogrodzki E.* Żydowska Partia Robotnicza Bund w Polsce 1915–1939. Tłum. P. Sawicka. Warszawa, 2005.
- Paczkowski 1980 – *Paczkowski A.* Prasa polska 1918–1939. Warszawa, 1980. S. 352–353.
- Pickham 2017 – *Pickham G.* Pod prąd. Powszechny Związek Robotniczy Bund w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 2017.
- Polonsky 2014 – *Polonsky A.* Dzieje Żydów w Polsce i Rosji. Warszawa, 2014.

- Pruszyński 1937 – *Pruszyński K.* Podróż po Polsce. Warszawa, 1937.
- Przeniosło 2013 – *Przeniosło M.* Żydzi-matematycy na uczelniach II Rzeczypospolitej, masz. 2013.
- Romantsov 2013 – *Romantsov R.* Polityka oświatowa władz polskich wobec mniejszości żydowskie w II Rzeczypospolitej // *Studia Żydowskie. Almanach.* T. III. Zamość, 2013.
- Roszkowski 1986 – *Roszkowski W.* Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918–1939. Warszawa, 1986.
- Rudnicki 2018 – *Rudnicki S.* Falanga. Ruch Narodowo-Radykalny. Warszawa, 2018.
- Rudnicki 1987 – *Rudnicki S.* From „numerus clausus” to “numerus nullus” // *Polin.* Vol. 2. 1987.
- Rudnicki 1992 – *Rudnicki S.* Ritual Slaughters as a Political Issue // *Polin.* Vol. VII. 1992.
- Rudnicki 2008 – *Rudnicki S.* Równi, ale niezupełnie. Warszawa, 2008.
- Rudnicki 2015 – *Rudnicki S.* Żydzi w parlamencie II Rzeczypospolitej. Wyd. 2. Warszawa, 2015.
- Rudnicki 2016 – *Rudnicki S.* Zapomniana encyklopedia // *Midrasz III–IV.* 2016. № 2.
- Segałowicz 2001 – *Segałowicz Z.* Tłomackie 13 (Z unicestwionej przeszłości. Wspomnienie o Żydowskim Związku Literatów i Dziennikarzy w Polsce. 1919–1939). Warszawa, 2001.
- Schipper 1932 – *Schipper I.* [et al.], eds. Żydzi w Polsce Odrodzonej: działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna, Vol. 2. Warszawa, [1932].
- Schipper 1937 – *Schipper I.* Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach polskich, Warszawa, 1937.
- Shapiro 1990 – *Shapiro R.M.* Autonomia żydowskich gmin wyznaniowych w Polsce. Łódź 1914–1939 // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego.* 1990. № 1.
- Shmeruk 1986 – *Shmeruk Ch.* Hebrew-Yidish-Polish: A trilingual Jewish Culture // *The Jews of Poland Between Two World Wars / Ed. by I. Gutman, E. Mendelsohn, J. Reinharz.* University Press of New England, 1986.
- Skrzyński [1924] – *Skrzyński A.* Polska a pokój. Warszawa, [1924].
- Stampfer 1998 – *Stampfer S.* Hasidic Yeshivot in Inter-War Poland // *Polin.* 1998. Vol. 11.
- Steinlauf 1989 – *Steinlauf M.* Mark Arnshteyn and Polish-Jewish Theatre // *The Jews of Poland Between Two World Wars.* University Press of New England, 1989.
- Szczepański – *Szczepański J.* Społeczność żydowska Mazowsza w XIX–XX wieku. Pułtusk, 2005.
- Tartakower 1931 – *Tartakower A.* Szkolnictwo żydowskie w Polsce // *Miesięcznik Żydowski.* 1931. A. 1. Vol. 2, 89–96.

- Tartakower 1931 – *Tartakower A.* Batei sefer hatsibur hayehudi b'polin // Sefer hajovel lichvod dr Mordechai Zeev Braude. Warszawa, [1931].
- Tomaszewski 1985 – *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków. Warszawa, 1985.
- Tomaszewski 1985 – *Tomaszewski J.* Rzeczpospolita wielu narodów. Warszawa, 1985.
- Tomaszewski 1998 – *Tomaszewski J.* Preludium zagłady. Wygnanie Żydów polskich z Niemiec w 1938 r. Warszawa, 1998.
- Tomaszewski 2000 – *Tomaszewski J.* Polskie dokumenty o „ugodzie” polsko-żydowskiej w 1925 r. // Biuletyn Żydowskiego instytutu Historycznego. 2000. № 1.
- Tygiel 1974 – *Tygiel Z.* American Jewish Congress Report of the Director of the Federation of Polish Jews in America of February 7. 1936.
- Walicki 2005 – *Walicki J.* Ruch syjonistyczny w Polsce w latach 1926–1930. Łódź, 2005.
- Wasserstein 2012 – *Wasserstein B.* w przededniu. Żydzi w Europie przed Drugą Wojną Światową / Tłum. W. Jeżewski. Warszawa, 2012.
- Zielińscy 2005 – *Zielińscy N. i K.* Jesziwas Chachmej Lublin (Uczelnia Mędrców Lublina). Lublin, 2005.
- Zielinski – *Zielinski K.* Szkolnictwo żydowskie w Polsce w latach 1918–1939 // Almanach Historyczny. T. V. Zamość, 2013.
- Żebrowski, Borzymińska 1993 – *Żebrowski R., Borzymińska Z.* Po-lin. Kultura Żydów polskich w XX w. Warszawa, 1993.
- Żebrowski 2012 – *Żebrowski R.* Żydowska gmina wyznaniowa w Warszawie 1918–1939. W kręgu polityki. Warszawa, 2012.
- Żuławski 1939 – *Żuławski Z.* Refleksje. Warszawa, 1939.
- Żyndul 2000 – *Żyndul J.* Państwo w państwie. Autonomia narodowo-kulturalna w Europie Środkowo-Wschodniej w XX w. Warszawa, 2000.

Jews of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth: 1918–1939

Szymon Rudnicki (Institute of History, University of Warsaw, Warsaw, Poland)

Dr. hab. in History, Professor emeritus

E-mail: s.rudnicki@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0003-0321-7451

Abstract: In no other country were Jews, proportionally, such a huge minority as in Poland. Religiously, economically, and politically Jews varied a great deal. They were an urban and closed group which kept only economic contacts with the rest of the population. In the Polish state they had to struggle for equal rights. Anti-Semitism propagated by nationalists was very powerful. In the second half of the 1930s the Polish government (*sanacja*) adopted the nationalists' slogans and tried to restrict the Jews' economic activity. An expression for the modernization of the Jews was the emergence, in the end of the nineteenth century, of a Jewish intelligentsia. Political parties were established and represented both the Polish state and Jewish national movements. Polish Jews created a rich trilingual culture in Yiddish, Hebrew, and Polish. The second Polish Republic can be considered a golden era for Jewish culture in Poland.

Keywords: Jews in Interwar Poland, Jewish Political Parties, Anti-Semitism, Jewish Economic Life in Poland

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.06

References

- Attali, J., 2003, *Żydzi, świat, pieniądze* [The Jews, the World, the Money]. Warsaw, Wydawnictwo Cyklady, 455.
- Bacon, G., 1996, *The Politics of Tradition: Agudat Yisrael in Poland 1916–1939*. Jerusalem, Magnes Press, Hebrew University, 331.
- Bronsztejn, S., 1963, *Ludność żydowska w Polsce w okresie międzywojennym* [The Jewish Population in Poland between the Two Wars]. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 295.
- Cała, A., 2012, *Żyd – wróg odwieczny?: antysemityzm w Polsce i jego źródła* [Jew. The Eternal Enemy?: the History of Antisemitism in Poland]. Warsaw, Wydawnictwo Nisza, Żydowski Instytut Historyczny, 860.
- Chmielewski, S., 1937, Stan szkolnictwa wśród Żydów w Polsce [The State of Education among the Jews in Poland]. *Sprawy Narodowościowe*, A11, 1/2, 32–74.

- Czarnowski, S., 1956, Ludzie zbędni w służbie przemocy [Redundant People in the Service of Violence]. *Dzieła* [Works], S. Czarnowski, Vol. 2, 186–193. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 250.
- Dachówna, D., 1935, Szkolnictwo hebrajskie w Polsce [The Hebrew Education in Poland]. *Sprawy Narodowościowe*. A9, 3/4, 245–268.
- Dmowski, R., 1931, *Świat powojenny i Polska* [The Postwar World and Poland]. Warsaw, M. Niklewicz, J. Załuska i S-ka, 384.
- Eisenstein, M., 1950, *Jewish Schools in Poland 1919–1939: Their Philosophy and Development*. New-York, King's Crown Press, 112.
- Gross, N., 2002, *Film żydowski w Polsce* [The Jewish Film in Poland]. Kraków, “Rabid”, 181.
- Hartglas, A., 1928, *Zasady naszego programu politycznego w Polsce: (referat odczytany na 3-ej konferencji sjonistycznej w Warszawie w listopadzie 1917 r.)* [The Principles of our Political Programme: The Report Made at the 3rd Zionist Conference in Warsaw in November 1917]. Warsaw, nakł. autora, 36.
- Hafftk, A., [1932], Żydowskie stronnictwa polityczne w Polsce Odrodzonej [Jewish Political Parties in the Restored Poland]. *Żydzi w Polsce Odrodzonej* [Jews in Restored Poland], Vol. 2, 256–285. Warsaw, “Żydzi w Polsce Odrodzonej”, 617.
- Holzer, J., 1983, Żydowskie dążenia polityczne w Drugiej Rzeczypospolitej [The Jewish Political Aspirations in the Second Rzeczypospolita]. *Znak*, 339–340.
- Jaworski, W., 1996, Struktura i wpływy syjonistycznych organizacji politycznych w Polsce w latach 1918–1939 [Structure and Influence of Zionist Political Organisations in Poland in 1918–1939]. Warsaw, Oficyna Wydawnicza Rytm, 128.
- Kazdan, Kh. 1947, *Di geshikhte fun yidishn shulvezn in umophengikn poyln* [History of the Jewish School Education in the Independent Poland]. Mexico, Gezelshaft “Kultur un hilf”, 571.
- Kiel, M.W., 1975, The Ideology Folks-Partey. *Soviet Jewish Affairs*, Vol. 5, 2, 75–89.
- Kijek, K., 2017, Dzieci modernizmu: świadomość, kultura i socjalizacja polityczna młodzieży żydowskiej w II Rzeczypospolitej [The Children of Modernism: Mentality, Culture and Political Socialisation of Jewish Youth in the 2nd Rzeczypospolita]. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 462.
- Korzec, P., 1974, Antisemitism in Poland as an Intellectual, Social and Political Movement. *Studies on Polish Jewry 1919–1939*, 12–104. New-York, Yidisher yisnshaftlekher Instytut-Yivo, 294.
- Krasowski, K., 1988, *Związki wyznaniowe II Rzeczypospolitej: studium historycznoprawne* [Religious Associations of the 2nd Rzeczypospolita: a Study in Legal History]. Warsaw, Poznań, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 354.
- Kijek, K., and G. Krzywiec, 2016, Antysemityzm po polsku 1905–1939: wprowadzenie [Polish-Style Antisemitism 1905–1939: Introduction]. *Kwartalnik Historii Żydów*, 2(258), 243–252.

- Krzywiec, G., 2017, *Polska bez Żydów: studia z dziejów idei, wyobrażeń i praktyk antysemitycznych na ziemiach polskich początku 20 wieku (1905–1914)* [Poland without Jews: Study of the History of Anti-Semitic Ideas, Concepts, and Practices on the Early 20th-century Polish Lands (1905–1914)]. Warszawa, Instytut Historii PAN, 559.
- Landau, W., 1977, Oligarchia finansowa [The Financial Oligarchy]. *Druga Rzeczpospolita: gospodarka, społeczeństwo, miejsce w świecie (sporne problemy badań)* [The 2nd Rzeczpospolita: Economy, Society, Place in the World (Controversial Research Issues)], Z. Landau and J. Tomaszewski, 191–216. Warsaw, “Książka i Wiedza”, 426.
- Lestschinsky, J., 1937, Der yidisher handl inem kleynem shtetl fun Poyln [Jewish Trade in the Small Towns of Poland]. *Di yidishe ekonomik*, 1, 7–18.
- Lestschinsky, J., 1951, Erev ħurbn fun Yidishn lebn in Poyln, 1935–1937 [On the Eve of the Destruction of Jewish Life in Poland, 1935–1937]. Buenos Aires, Tsentral-farband fun Poylishe Yidn in Argentyna, 255.
- Lestschinsky, J., 2002, Evreiskoe naselenie Rossii i evreiskii trud [The Jewish Population of Russia and the Jewish Labour]. *Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh godov do revoliutsii 1917 g.* [The Book on Russian Jewry from 1860s to the Revolution of 1917], 187–211. Moscow, Jerusalem, Mosty Kul'tury, Gesharim, 598.
- Linder M., 1937, Der hurbn funem yidishn handl in Białystoker Raion [The Destruction of Jewish Trade in the Białystok District]. *Di yidishe ekonomik*, 1/2, 13–33.
- Lisek, J., 2005, *Jung Wilne – żydowska grupa artystyczna* [Young Wilno – a Jewish Artistic Group]. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 238.
- Łagodzińska, A., 2012, Powstanie i rozwój ruchu Bajs Jakow na przykładzie wybranych ośrodków w latach 1917–1939 [Emergence and Development of Bajs Jakow Movement on the Example of Selected Centres in 1917–1939]. *Kwartalnik Historii Żydów*, 1, 39–51.
- Mahler, R., 1944, Jews in Public Service and the Liberal Professions in Poland 1918–1939. *Jewish Social Studies*, Vol. 6, 4, 291–350.
- Malinowski, J., 1987, *Grupa “Jung Idysz” i żydowskie środowisko “Nowej Sztuki” w Polsce: 1918–1923* [Group “Young Yiddish” and the Jewish Environment of the “Nowa Sztuka” in Poland: 1918–1923]. Warsaw, PAN, 246.
- Malinowski, J., 2000, *Malarstwo i rzeźba Żydów polskich w 19 i 20 wieku* [Painting and Sculpture by Polish Jews in the 19th and 20th Centuries (to 1939)]. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN, 434.
- Pobóg-Malinowski, W., 1985, *Najnowsza historia polityczna Polski* [The Newest Political History of Poland], Vol. 2, 1914–1939, 3 ed. London, [s. n.], 900.
- Marcus, J., 1983, *Social and Political History of the Jews in Poland, 1919–1939*. Berlin, Mouton, 569.

- Mauersberger, S., 1968, *Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939* [The General Education for National Minorities in Poland in 1918–1939]. Wrocław, “Ossolineum”, 230.
- Mendelsohn, E., 1981, *Zionism in Poland: the Formative Years, 1915–1926*. New Haven, London, Yale University Press, 373.
- Mendelsohn, E., 1992, *Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym* [Jews of East Central Europe between the World Wars], transl. A. Tomaszewska. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN, 354.
- Minczeles, H., 1999, *Historie générale du Bund, un mouvement révolutionnaire juif* [General History of the Bund, Jewish Revolutionary Movement], 2nd ed. Paris, Denoël, 446.
- Nowogrodzki, E., 2005, *Żydowska Partia Robotnicza Bund w Polsce 1915–1939* [The Jewish Labor Bund in Poland 1915–1939], transl. P. Sawicka. Warsaw, Żydowski Instytut Historyczny, 362.
- Paczkowski, A., 1980, *Prasa polska w latach 1918–1939* [Polish Press in 1918–1939]. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 534.
- Pickhan, G., 2017, *Pod prąd: Powszechny Żydowski Związek Robotniczy Bund w Polsce w latach 1918–1939* [Upstream: General Jewish Labour Bund in Poland in 1918–1939]. Warsaw, Wydawnictwo Neriton, Niemiecki Instytut Historyczny, 480.
- Polonsky, A., 2014, *Dzieje Żydów w Polsce i Rosji* [The Jews in Poland and Russia : a Short History]. Warsaw, PWN, 763.
- Prokop-Janiec, E., 1992, *Międzywojenna literatura polsko-żydowska jako zjawisko kulturowe i artystyczne* [The Polish-Jewish Literature between the Two Wars as a Cultural and an Artistic Phenomenon]. Krakow, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych “Universitas”, 340.
- Przeniosło, M., 2013, *Żydzi-matematycy na uczelniach II Rzeczypospolitej* [Jewish Mathematicians in the Higher Schools of 2 Rzeczpospolita], [typescript].
- Romantsov, R., 2013, *Polityka oświatowa władz polskich wobec mniejszości żydowskie w 2 Rzeczypospolitej* [The Educational Policy of Polish Authorities with regard to the Jewish Minorities in the 2nd Rzeczpospolita]. *Studia Żydowskie: almanach*. A.3, 3, 95–137.
- Roszkowski, W., 1986, *Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce: 1918–1939* [The Economic Role of Large Private Real Estate in Poland: 1918–1939]. Warsaw, SGPiS, 431.
- Rudnicki, S., 2018, *Falanga: ruch Narodowo-Radykalny* [Falanga: a National Radical Movement]. Warsaw, Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, 833.
- Rudnicki, S., 1987, From “*numerus clausus*” to “*numerus nullus*”. *Polin*, 2, 246–268.
- Rudnicki, S., 1992, Ritual Slaughters as a Political Issue. *Polin*, 7, 147–160.
- Rudnicki, S., 2008, *Równi, ale niezupełnie* [Equals, but Not Exactly]. Warsaw, Stowarzyszenie Midrasz, 232.

- Rudnicki, S., 2015, *Żydzi w parlamencie 2 Rzeczypospolitej* [Jews in the Parliament of the 2nd Rzeczypospolita], 2 ed. Warsaw, Wydawnictwo Sejmowe, 588.
- Schiper, I, A. Tartakower, and A. Hafftko, eds, [1932], *Żydzi w Polsce Odrodzonej: działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna* [Jews in Re-Born Poland: their Social, Economical, Educational and Cultural Activities], Vol. 2. Warsaw, "Żydzi w Polsce Odrodzonej", 617.
- Schiper, I., 1937, *Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach polskich* [The History of Jewish Trade on the Polish Lands]. Warsaw, Centrala Związku Kupców, 791.
- Shapiro, R.M., 1990, Autonomia żydowskich gmin wyznaniowych w Polsce: Łódź 1914–1939 [Autonomy of the Jewish Religious Communities in Poland: Lodz 1914–1939]. *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*, 1(153), 67–77.
- Shmeruk, Ch., 1986, Hebrew-Yiddish-Polish: a Trilingual Jewish Culture. *The Jews of Poland Between Two World Wars*, ed. I. Gutman, E. Mendelsohn, and J. Reinharz, 285–311. Hanover, London, University Press of New England, 574.
- Skrzyński, A., [1924], *Polska a pokój* [Poland and Peace]. Warsaw, Towarzystwo Wydawnicze "Ignis", 116.
- Stampfer, S., 1998, Hasidic Yeshivot in Inter-War Poland. *Polin*, 11, 3–25.
- Steinlauf, M., 1989, Mark Arnshteyn and Polish-Jewish Theatre. *The Jews of Poland Between Two World Wars*, ed. I. Gutman, E. Mendelsohn, and J. Reinharz, 399–411. Hanover, London, University Press of New England, 574.
- Szczepański, J., 2005, *Spółeczność żydowska Mazowska w 19–20 wieku* [The Jewish Community of Masovia in the 19th-20th Centuries]. Pułtusk, WSH, 615.
- Tartakower, A., 1931, Batei sefer hatsibur hayehudi b'polin [Hebrew] [The Jewish Education in Poland]. *Sefer hajovel lichvod dr Mordechai Zeev Braude*. Warsaw, Towarzystwo Krzewienia Nauk Judaistycznych w Polsce, 29.
- Tomaszewski, J., 1985, *Ojczyzna nie tylko Polaków: mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939* [Motherland Not Only for the Poles: National Minorities in Poland in 1918–1939]. Warsaw, Młodzieżowa Agencja Wydawnicza, 223.
- Tomaszewski, J., 1985, *Rzeczpospolita wielu narodów* [The Republic of Many Nationalities]. Warsaw, Czytelnik, 285.
- Tomaszewski, J., 1998, *Preludium zagłady: wygnanie Żydów polskich z Niemiec w 1938 r.* [The Prelude of the Holocaust: Expulsion of the Polish Jews from Germany in 1938]. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN, 339.
- Tomaszewski, J., 2000, Polskie dokumenty o "ugodzie" polsko-żydowskiej w 1925 r. [Polish Documents on the Polish-Jewish "Agreements" of 1925]. *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*, 1, 61–76.
- Walicki, J., 2005, *Ruch syjonistyczny w Polsce w latach 1926–1930* [Zionist Movement in Poland in 1926-1930]. Łódź, "Ibidem", 516.

- Wasserstein, B., 2012, *W przededniu: Żydzi w Europie przed Drugą Wojną Światową* [On the Eve: the Jews of Europe before the Second World War], transl. W. Jeżewski. Warsaw, Wydawnictwo Magnum, 504.
- Zieliński, K., and N. Zielińska, 2003, *Jeszywas Chachmej Lublin: Uczelnia Mędrców Lublina* [Yeshivas of the Wise Men of Lublin]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 230.
- Zieliński, K., 2003, Szkolnictwo żydowskie w Polsce w latach 1918–1939 [Jewish Education in Poland in 1918–1939]. *Almanach Historyczny*, Vol. 5, 211–255.
- Żebrowski, R. and Z. Borzymińska, 1993, *Po-lin: kultura Żydów polskich w 20 w.* [Po-lin: the Culture of Polish Jews in the 20th Century]. Warsaw, Wydawnictwo Amarant, 368.
- Żebrowski, R., 2012, *Żydowska gmina Wyznaniowa w Warszawie 1918–1939: w kręgu polityki* [The Jewish Religious Community in Warsaw in 1918–1939: in the Circle of Politics]. Warsaw, Żydowski Instytut Historyczny, 830.
- Żyndul, J., 2000, *Państwo w państwie?: autonomia narodowo-kulturalna w Europie Środkowowschodniej w 20 w* [State within a State?: Ethnocultural Autonomy in East Central Europe in the 20th Century]. Warsaw, “DiG”, 258 .